383

Художественно-литературный и сатирическій
журналъ
ГНОМЪ
№8
1907 г.
выходитъ въ Екатеринбургѣ.

Цѣна 15 к

Будущее Россіи по Крушевану.

Лысьвенскій заводъ

Задача.

Контора Лысьвенскаго завода отдаетъ перевозку болванки по 1 р. 25 коп. за тысячу пудъ, лицо желающее взять работу должно имѣть (неофиціально) безплатную приличную квартиру для завѣдующаго цехомъ.

Предложенія лицъ, изъявившихъ желаніе взять работу по рублю и дешевле за тысячу и не имѣющихъ квартиръ оставляются безъ послѣдствій.

Спрашивается, во сколько обходится заводоуправленію Н-ковъ Шувалова квартира завѣдующаго цехомъ, если годичная прокатка болванки и подвозки ее къ машинамъ достигаетъ 3.000.000 пуд.? По нашему подсчету всего 7500 рублей въ годъ, не считая тѣхъ суммъ, которыя выдаются завѣдующему на руки для найма квартиры изъ конторы.

Услужливый.

Верхъ-Нейвинскій заводъ.

Населеніе завода начинаетъ мало-по-малу протрезвляться отъ проводовъ управителя Маркова. Слава Богу! Пора.

На станціи изъ II кл. почтоваго поѣзда выскочилъ субъектъ съ кипой цвѣтныхъ бумагъ. Начальникъ станціи, вообразивъ, что это экспропріаторъ, приказалъ чѣловѣка поймать. Въ результатѣ разочарованіе: въ кипѣ оказались цвѣтныя афиши.

Знаменитый заводскій кассиръ (онъ же распорядитель театральнаго—зданія), всячески старался подставить ногу спектаклю рабочихъ, но со своимъ спектаклемъ сѣлъ въ калошу: рабочіе сыграли лучше.

«Шило.»

РОМАНСЪ.

Я Васъ люблю и Вы повѣрьте,
Я буду Васъ любить до смерти,
Вы мой кумиръ, мой идеалъ,
У васъ нашла я капиталъ.
Она для васъ клозетъ покинетъ,
Нарушитъ всячески законъ,
Возьметъ подряды, если кинетъ
Лидвали Гурко милліонъ.
Она не дастъ ни крошки хлѣба
И голодающій народъ
Она предастъ на волю неба,
Пусть самъ Господь его спасетъ.
Я васъ люблю и вы повѣрьте,
Мой милый храбрый генералъ,
Друзьями будемъ мы до смерти,
Раздѣлимъ дружно капиталъ.

П. Эльгрико.

Въ Волостномъ Правленіи.

Въ Волостномъ Правленіи сидятъ старшина и писарь и думаютъ, что отвѣтить на предписаніе—«немедлено сообщить, не вредитъ ли населенію недостатокъ хлѣба и какъ это отражается на здоровьи населенія?»

Старшина. Я, Николай Петровичъ, просто ума не приложу, какъ и отвѣчать на эту бумагу. Вонъ у Петрухи Рябова, у Николки Косолапаго, у Маланьи солдатки съ голодухи-то пухнуть ужъ начали; а напиши объ этомъ, такъ тебѣ же влетитъ: что, дескать, своевременно не писалъ. Если не напишетъ, да узнаютъ—тоже влетитъ.

Писарь. Да вѣдь мы, Сысой Панкратьевичъ, не доктора—почемъ мы знаемъ, отъ чего они пухнутъ. Я вотъ набросалъ черновичекъ, не знаю, ладно ли будетъ «На предписаніе за № 1235678 имѣемъ честь рапортовать, что во ввѣренной намъ волости никто о голодѣ намъ не заявлялъ; нѣкоторые же общественники даже замѣтно пополнѣли на лицо.»

Старшина. Ну и золотой же ты человѣкъ, Николай Петровичъ, изо всякаго дѣла вывернешься. Валяй, пиши такъ.

ТАМЪ И ЗДѢСЬ.

За границей губернаторъ
Забастовщиковъ не бьетъ,
Видитъ въ каждомъ онъ лишь брата,
А у насъ—на оборотъ.

За границею священникъ
По двѣ шкуры не деретъ,
И солдатъ тамъ не измѣнникъ.
А у насъ—на оборотъ.

За границей негодяямъ
Объявляется „бойкотъ“,
Ложь повсюду изгоняютъ,
А у насъ—на оборотъ.

За границей въ полисменахъ
Есть порядочный народъ,
Обывателей не лупятъ,
А у насъ—на оборотъ.

За границей „сотни черной“
Даже чертъ самъ не найдетъ
Тамъ не дѣлаютъ погромовъ
А у насъ—на оборотъ.

За границею рабочій
Пота даромъ не польетъ
И въ „союзахъ“ весь онъ сплоченъ,
А у насъ—на оборотъ.

За границею министры
Любятъ всей душой народъ
И предъ обществомъ всѣ чисты,
А у насъ—на оборотъ.

За границею ораторъ
На „митингахъ“ мало вретъ,
Не знакомъ тамъ правокаторъ,
А у насъ—на оборотъ.

За границею за Думой
Хорошо народъ живетъ,
И не бьютъ тамъ депутатовъ,
А у насъ—на оборотъ.

За границею редакторъ
Мѣсто всѣмъ статьямъ даетъ,
По судамъ его не тянутъ,
А у насъ—на оборотъ.

Борскій.

Встрѣча двухъ «бывшихъ людей».

(Сцена—діалогъ)

Сцена представляетъ перекрестокъ двухъ центральныхъ улицъ въ Перми. Зимній вечеръ 1907-го года. Сцена едва освѣщается городскимъ электричествомъ. На углу стоитъ громадный фонарный столбъ съ лампочкой Нернста, въ темнотѣ кажущейся потухающей папиросой въ зубахъ какого-то великана. (По обѣимъ улицамъ, держась за стѣны дома,—чтобы не упасть въ темнотѣ, или не наткнуться на что нибудь,—по направленію къ углу, пробираются двѣ темныя личности въ какихъ-то странныхъ хламидахъ и на самомъ углу, неожиданно, стукаются лбами, отскакиваютъ другъ отъ друга, и начинаютъ тереть.

ПЕРВЫЙ. Охъ!.. Чтобъ тебѣ!.. Всю бровь ты мнѣ разсѣкъ!..

ВТОРОЙ. Чтобъ чертъ тебя побралъ!..—Ручьемъ льетъ кровь изъ носа!..

Анафема!...

ПЕРВЫЙ. . . . . Ты что за человѣкъ?

ВТОРОЙ. А самъ ты кто, чтобы учинять допросы?

ПЕРВЫЙ. (съ гордостью, принимая театральную позу)

Коль хочешь знать,—я—драматическій кружекъ,—
Въ Перми достаточно я всѣмъ извѣстенъ!..
А ты-то что за гусь?

ВТОРОЙ. . . . . Вопросъ твой неумѣстенъ!..
Неужто-жъ это-ты?!.. Кто-бъ думать это могъ?!..
Ты—и въ лохмотьяхъ вдругъ!..—Признаться,
Я думалъ, что тебя давно въ живыхъ ужъ нѣтъ!

ПЕРВЫЙ. Да ты-то кто-же?

ВТОРОЙ. . . . . Не можешь догадаться?—
Неужли не узналъ меня, мой свѣтъ?
—Ужъ такъ и быть, скажу, пожалуй, по секрету:
Я—твой соратникъ, я же—твой и врагъ,
Съ кѣмъ столковаться ты не могъ никакъ;
Я—тотъ, кто былъ извѣстенъ всему свѣту,
Кѣмъ не напрасно Пермь гордилась встарину;
Я для Перми заброшенной и дальной
Минуту далъ далеко не одну
Эстетики—чистѣйшей, идеальной!..
Ну, словомъ,—я... (гордо) кружекъ я музыкальный!..

Д. К. Ба-ба!.. Не ожидалъ!.. Тебя-ль, пріятель, вижу? (насмѣшливо)
Ты-ль, это, встрѣтился на улицѣ со мной
Въ такой одеждѣ, въ часъ ночной?

М. К. (съ досадой) Брось этотъ тонъ!.. Его я не ненавижу!..

Д. К. А я боялся!.. Думалъ,—хулиганъ
Позарился на мой пустой карманъ,—
Когда съ тобой такъ лбомъ столкнулся!..
Ты гдѣ-же пропадалъ?.. Давно-ли въ Пермь вернулся?

М. К. Вернулся?.. М-м-мъ... (въ сторону)—этакій болванъ!
Словечко не промолвитъ безъ ехидства,
Насмѣшки наглой и безстыдства!..
Послушаешь—умильно говоритъ,
А самъ—все уколоть больнѣе норовитъ!..

Д. К. Ты что бормочешь тамъ?

М. К. . . . . Нѣтъ, такъ я... ничего—
Предался, вдругъ, воспоминаньямъ... думамъ,
Да удивлялся надъ твоимъ костюмомъ...

Д. К. Ну, онъ ничѣмъ не хуже твоего!..

М. К. (обидчивымъ тономъ) Положимъ!..

Д. К. . . . . —Развѣ это такъ обидно?

М. К Ну, нѣтъ!. А что тебя нигдѣ не видно?

Д. К. Не знаешь развѣ ты, какой у насъ сезонъ?—
Весь годъ господствуетъ въ театрѣ драма—
Когда-жъ мнѣ выступать и гдѣ?—Нѣтъ!—быть смѣшенъ
Я не хочу, и натерпѣться срама!
М. К. Въ «Общественномъ» ты могъ-бы вечера
Литературные устроить...—Все-же—дѣло...
А проявить себя—тебѣ давно пора!..
И какъ это тебѣ молчать не надоѣло?
Не думаешь, какъ ты, что всѣ, со всѣхъ сторонъ
Забывчивость твою замѣтятъ, безъ сомнѣнія!
Въ двадцатый смерти годъ почтенъ тобой Надсонъ?
И восемьдесятъ лѣтъ со дня, какъ палъ нашъ геній,
Великій Пушкинъ, Дантеса рукою пораженъ,—
Отмѣчены-ль?—Ну, какъ тебѣ не стыдно!?..

Д. К. Тебѣ въ чужомъ глазу сучекъ-то больно видно!. (сердясь)
Ты что ко мнѣ, какъ уличный нахалъ,
Средь ночи, вдругъ, съ нотаціей пристналъ?—
Чѣмъ всѣ мои грѣхи считать трудиться,
Не лучше-ль на себя тебѣ оборотиться?
Мнѣ—оправданье есть: мнѣ—Строевъ помѣшалъ...
Ну, а тебѣ какое оправданье,
Что жалкое влачишь ты прозябанье,
Что ты не справилъ музыкальные поминки
Полсотни лѣтъ дня смерти Шумана и Глинки,
И участь съ ними, разумѣется, одна
Постигла смерти двадцать лѣтъ Бородина?
Ты—долженъ-бы ожить и быть доволенъ:—
Тебѣ весь этотъ годъ не могутъ помѣшать;
Вѣдь, оперою ты не обездоленъ!—
Тебѣ теперь играть—бы только, да играть!..
М. К. Куда легко въ чужихъ карманахъ-то считать!.
Ты по пословицѣ живешь, какъ погляжу:—
«Чужую, молъ, бѣду, нисколько не горюя,
«Безъ затрудненія руками разведу я
«Къ бѣдѣ-же собственной—ума не приложу!..»
Могу-ль съ концертомъ выступить свободно,
Коль средства всѣ къ тому мои негодны?—
Кострюли старыя имѣю,—не рояль!..
Хоть вмѣсто нихъ мнѣ выписали новый,
Да денегъ мнѣ, ужъ, очень стало жаль!..
Пѣвицы всѣ—больны, въ отъѣздѣ, или вдовы,
Иль вышли изъ кружка... Пѣвцы-жъ—подъчасъ готовы
Въ концертахъ пѣть старинный дамскій вздоръ;
И нашъ большой когда-то хоръ
Къ себѣ перетянула Василенко
(Не просто Василенко—Левитонъ,
Что ухитряется довольно рьяно
Выдѣлывать изъ баса—баритонъ,
И изъ контральто сочнаго—сопрано)...
Вотъ почему могли у Барбатенко
Устроить вечеръ Глинки, а у насъ—
На этотъ счетъ—лишь пассъ!.,
Ну и еще, конечно, есть причины,
А между ними, напримѣръ, и та,
Что безъ энергіи работаютъ старшины,
И не спасутъ насъ наши «три кита»!..
Скажи теперь на милость,—отгадай-ка:—
Зачѣмъ нужны намъ стали балалайки?
Игралъ-ли «ихъ оркестръ» хоть разъ
На «исполнительномъ» у насъ?

Д. К. Да!—Осенью тогда ты знатно отличился,
На всю Россію сразу осрамился
Ужъ хуже—выдумать не могъ!..
Я—безъ скандаловъ, хоть, заглохъ,
Естественною смертью замеръ постепенно,
Но былъ традиціямъ я вѣренъ неизмѣнно,
И не спускался съ высоты
До водевильной пустоты.
Теперь тебѣ я сдѣлать вынужденъ признанье,
Что не могу постичь причинъ,
Которыми я обреченъ на прозябанье...

(Голосъ изъ—за угла) Ой, какъ вы врете, господинъ!.

Д. К. (не обращая вниманія, какъ будто не слыша)
Положимъ основательно испортилъ дѣло
Мнѣ драматическій сезонъ,
И я могу признаться смѣло,
Что такъ я этимъ огорченъ...

М. К. (перебивая) Что былъ забытъ тобою и Надсонъ
Съ двадцатой годовщиной его смерти
(У Барбатенко былъ почтенъ и онъ!)...
Знать подшутили надъ тобою, черти,
И обошли тебя со всѣхъ сторонъ!
Что ты забылъ и то, что восемьдесятъ лѣтъ.
Прошло съ тѣхъ, поръ какъ нашъ колоссъ-поэтъ,
Убитъ былъ Дантеса проклятою рукой!..
Отговоришься ты причиною какою
Что равнодушенъ къ памяти ихъ оставался,
И—о, позоръ!—устроить ты не догадался,
Литературныхъ въ честь ихъ вечеровъ?

Д. К. Я это объяснить тебѣ готовъ,
Да только . . . (заминается)

М. К. (прерываетъ) . . . . . не находишь словъ?
Нѣтъ, милый мой, ужъ лучше не старайся.
Тутъ уважительныхъ нельзя найти причинъ
И какъ ты хочешь—распинайся,
Тебѣ глупецъ повѣритъ, лишь, одинъ..

Д. К. Но все-же я, какъ ты, не падалъ низко,
Искусства святости ничѣмъ не оскорблялъ
Его достоинства ничѣмъ не умалялъ...

М. К. (прерывая) Бррр!.. холодно... До Трутнева здѣсь близко...
Оставимъ разговоръ... Чѣмъ препираться намъ
Подойдемъ-ка, съ горя выпьемъ тамъ...
Мнѣ надоѣли наши споры...

Д. К. И правда!—бросимъ разговоры!...
Идемъ!.. И. Трутневъ коль открытъ,—
Закусимъ, выпьемъ тамъ въ кредитъ

(Берутъ другъ друга подъ руку, и, заворотивъ за уголъ, идутъ. Лампочка Нернстра совсѣмъ перестаетъ свѣтить.

Все погружается въ темноту, въ которой откуда-то слышится насмѣшливый голосъ:)

— Пошли!..—Эхъ, вы!.. Богъ съ вами!..
А все-же—жаль мнѣ васъ двоихъ (поетъ).
Были когда-то и вы рысаками,
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!
(Занавѣсъ).

Шмель.

386

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою.

Было сѣрое утро... Свинцовая мгла,
На природу туманомъ легла;
Бѣлый снѣгъ ниспадалъ—отъ нахмуренныхъ тучъ;
Не проскальзывалъ солнечный лучъ...
Были хмуры дома, словно лица людей,
Отъ тяжелыхъ заботъ и скорбей...
И единственный звукъ, разгоняющій сонъ,—
Было карканье стаи воронъ...
Это время прошло... Свѣжій вѣтеръ дохнулъ,
Нестѣсненный лучъ солнца взглянулъ,—
Всколыхнулася отъ совѣта болотный туманъ;
Каждый домъ былъ лучемъ осіянъ,—
Лишь тяжелыя тучи, изсчадья земли,—
Изчезать стали въ мутной дали...
И единственный звукъ—разгоняющій сонъ,
Былъ далекій,—но радостный звонъ...

А. Надинскій.

Самарскія общественныя работы.

Аннаевская Коса. Не давайте меня въ обиду, гг. путейцы, не соглашайтесь прорывать меня! Мнѣ еще годиковъ пятокъ осталось до города дойти, его отъ Волги отрѣзать. Отрѣжу,—тогда вамъ кормежка и не такая еще будетъ!

Путейцы. Не безпокойся, рости, матушка! Мы свое дѣло знаемъ твердо: будемъ пока на выползовскомъ перекатѣ дурака валять, а жалобы города попросимъ «оставить безъ послѣдствій». **(поютъ)**

Подъ Самарою разбойнички шалятъ,
Прорывать песчану косу не велятъ.
Эка штука, если Волга отойдетъ,
И работа наша даромъ пропадетъ?
Такъ зато для насъ работа хороша!
Веселись, пляши, путейская душа!!.

Т.—скій.

Передовая не пошла.

* *
*

Не измѣняй мнѣ дорогая,
Я буду въ мірѣ—одинокъ,
Когда ты,—словно птичка рая,
Нашъ общій бросишь уголокъ...
Не измѣняй мнѣ—по причинѣ,
Что мнѣ судьба грозитъ бѣдой;
Къ одной, взлелѣянной святынѣ,
Стремились мы... Пойдемъ со мной!
Пойдемъ туда, гдѣ битвы пламень
За честь свободы—не угасъ;
Гдѣ, вмѣсто хлѣба, даже камень,
Заставитъ радоваться насъ...
Вы долго, дружно—вмѣстѣ жили,
Стремились къ свѣту, на просторъ;
Мы дѣло общее любили,
Пока надъ нами приговоръ,—
Слѣпой судьбины вдругъ не грянулъ,
Тебя грозой не испугалъ...,
Но я сильнѣе-бы воспрянулъ,
Когда-бъ тебя не потерялъ...

А. Н.

НОВОСТИ
ВЪ ТРИ СТРОКИ.

Петербургъ. На прошлой недѣлѣ произошло удивительное событіе: Столыпинъ окадетился, а кадеты остолыпинились.

Кіевъ. Монахъ Иліодоръ не унимается: постановленій Синода не признаетъ и продолжаетъ изрыгать площадную погромную брань.

Выборгъ. Бывшій здѣсь на съѣздѣ Гершуни пожертвовалъ въ мѣстный музей кочанъ соленой капусты, привезенной имъ изъ Акатуйской тюрьмы.

Тула. Открытъ застѣнокъ. На освященіи присутствовали члены Государственной Думы. Въ 1-й день избито два неизвѣстныхъ господина.

Пермь. По линіи Пермск. ж. д. открывается сотня фотографій для съемки служащихъ и ихъ семействъ, желающихъ даровато проѣзда.

Вятка. Монархисты подвели губернатора, пославши телеграмму Столыпину объ оставленіи его въ Вяткѣ.

Екатеринбургъ. По сообщенію „Ур. Края“ въ мѣстномъ музеѣ показывается чудовище-мозжевельникъ 4 арш. въ діаметрѣ.

Саратовъ. Губернаторъ воспретилъ устройство собраній, посвящаемыхъ вопросамъ, касающимся Государственной Думы.

Ирбитскій зав. Началось вѣяніе весны: на 1-й разъ вывезли въ тачкѣ изъ завода управителя Сафонова.

Алапаевскій зав. Управительша Адольфъ упечатала въ тюрьму хозяйку—за запечатаніе въ ея квартирѣ Лидваля.

Самое послѣдніе извѣстіе.

Столыпинъ доказалъ, что бывшій товарищъ министра финансовъ Кутлеръ, обвиняя находящееся въ его, Столыпина, вѣдомствѣ учрежденіе „свободы печати“ въ увеличеніи жалованья начальнику управленія, жестоко ошибся. Жалованье прибавили дѣйствительно и довольно щедро—150.000 рублей, но только не“ коню, а оглоблямъ“.

Оказывается, что въ зеленомъ клубѣ открывается цѣлый рядъ вечеровъ для популярныхъ мелодекламацій. Вечера открылъ докторъ Мурзз; на первый разъ была продекламирована имъ „пѣсня“ о томъ, какъ неповинны бываютъ акушеры въ дѣторожденіи и 2) „о причинахъ неудачныхъ операцій“; за нимъ выступилъ генералъ ораторъ отъ митинговъ Федоровскій, взявшій тему: 1) „Господа товарищи“! и 2) „причины смутнаго времени на Руси“; въ мелодекламаторы записались: присяжный повѣренный Кронебергъ; тема:—„нѣкоторыя данныя къ вопросу о продажѣ конкурсами домовъ вмѣсто 40000 за 20000“; И. К. Анфиногеновъ, онъ же и городской голова; тема—„точное изслѣдованіе причинъ, какъ я все таки сдѣлался лордъ—меромъ“. Объ остальныхъ исполнителяхъ сообщимъ въ слѣдующемъ номерѣ. Аккомпанировать будетъ съ дозволенія начальства военно-духовой оркестръ Бузовкина.

Оказывается, что именующій себя мистеромъ Оркинымъ совсѣмъ даже не мистеръ и даже не Оркинъ, а просто дворянинъ изъ Іерусалима. все время молотившій рожь на обухѣ. Въ настоящее время сему уральскому экспропріатору запрещена какая бы то ни было дѣятельность въ Россіи, въ томъ числѣ и покупать за 600000 даже самыхъ патентованныхъ золотоуловителей.

Оказывается, что защитникъ погромщиковъ значащійся подъ фамиліей Бажанова, заболѣлъ еще въ дорогѣ бѣлой горячкой и нетолько выступить не могъ, а не могъ просто даже ступить. Обвиняемые негодуютъ и рѣшили, что ихъ кто то съ защитникомъ подвелъ. Производится разслѣдованіе о происхожденіи его фамиліи. Сомнѣваются въ ея подлинности.

Предстоящій концертъ. Въ скоромъ времени въ залѣ наслѣдниковъ . . . . . состоится концертъ. Участвуютъ: г-жи К. О. Женкова и О. Ф. Келлеръ. Въ числѣ номеровъ значатся: „неговори, что молодость сгубила“, „ночи безумныя“ „захочу полюблю“ и много другихъ современнаго репертуара.

ЭКСПРОМПТЪ.

Кадеты въ Думѣ засѣдаютъ
И безконечно говорятъ,
Быть министрами мечтаютъ,
А народу.... шишъ дарятъ.

Не Бор...скій.

Г. Вятка.

(Исключительно при посредствѣ юмористической прессы доводится до свѣдѣнія вятскихъ изгоевъ слѣдующее:)

«Его Сіятельство, столмейстеръ—Корча-Корча-ковъ-симъ имѣетъ честь пригласить Васъ, милостивый государь,—по случаю торжества кровавой реакціи и благополучно протекшей истинно-русской масляницы—НА БЛИНЫ изъ остатковъ крестьянскаго хлѣба, добровольно уступленнаго крестьянами становымъ сборщикамъ».

На подлинномъ собственно-ручно начертать соизволилъ КОРЧА-КОРЧА-КОВЪ.

Подлинное скрѣпилъ престидижитаторъ—кулачныхъ, злачныхъ, пивныхъ, картежныхъ и другихъ. секретныхъ дѣлъ мастеръ (Редакторъ «Вятскаго Сплетника» тожъ) инженеръ—Яко-Яко-влевъ.

Отъ автора: настоящее объявленіе дѣйствительно и на будущее время, такъ какъ адепты княжеска го воздѣйствія разсѣяны: и по столицамъ, и въ Сибири, и на Кавказѣ и въ Царствѣ польскомъ и въ другихъ градахъ и весяхъ,—а потому до свѣдѣнія ихъ сей кличъ дойдетъ только послѣ истекшей масляницы.

Августъ-Брутъ.

Камышловъ.

Въ Камышловской женской гимназіи былъ недавно на масленницѣ литературно-танцевальный вечеръ. Литературное отдѣленіе при особо исключительной обстановкѣ было исполнено блестяще. Особенно пріятное впечатлѣніе произвела живая картина, въ которой участвовали четыре представительницы женской гимназіи. Всѣ четверо были удивительно гостепріимны настроеніе дѣвочекъ начало измѣняться, подъёмъ духа понизился градусовъ на 25-ть. Начальница гимназіи смутилась, не зная, чѣмъ это объяснить. Оказалось что ларчикъ просто отворялся: гимназистки послали въ Екатеринбургъ нѣсколько билетовъ, программъ и приглашеній офицерамъ съ просьбой посѣтить ихъ вечеръ и чуть-ли даже не выдали имъ „прогонныхъ,“ но жестокосердые офицеры оказались неблагодарными животными и мольбѣ дѣвочекъ не вняли; теперь здѣсь спрашиваютъ: кто ошибся? Или гимназистки, которые сдѣлали неумѣстное приглашеніе офицерамъ и остались съ носомъ, или Камышловскіе кавалеры, которые съ полнымъ удовольствіемъ нашли нужнымъ присутствовать. на вечерѣ въ видѣ мебели, за неимѣніемъ офицеровъ и только вздыхать.

С.-Петербургъ.

Канцелярія обновленно-конституціоннаго образца. За громаднымъ дубовымъ столомъ общаго отдѣла сидятъ Перышковъ и Промокашкинъ—чиновники изъ разныхъ отдѣловъ.

Смакуютъ переблудство Меньшикова въ макулатурномъ листѣ А. Суворина о разгонѣ Думы, о повѣшеніи думской оппозиціи на одномъ общемъ канатѣ, или о зарытіи ея въ общую могилу живьемъ, а правое крыло за выдѣленіемъ Крушевана и Пуришкевича въ назиданіе и искупленіе грѣховъ, содѣянныхъ въ Думѣ и за успѣхъ Столыпинскихъ выборовъ сослать на послушаніе въ Череменецкій монастырь въ сосѣдство къ о. Петрову, дабы и сего строптиваго образумили и обратили въ свою партію и тѣмъ-бы искупили грѣхи свои. А если-же сіе не превозможетъ, то учредить чрезъ вселенскій СОБОРЪ покаяніе всенародное съ кровопусканіемъ русскихъ людей при содѣйствіи дворянства вѣрнопардоннаго и при содѣйствіи тѣни генерала Трепалова.

— «Ахъ и здорово, Іуда, пишетъ. Ну и собаку, предатель, съѣлъ. Вотъ перо. . . люблю. . . Да. . . А вѣдь годъ назадъ не могъ такъ писать, потому не было конституціи».

— «Все перемѣнилось, все обновилось, другъ Перышковъ, и еще перемѣнится».

— «Всенепремѣнно, всенепремѣнно».

— «Извольте обратить ваше вниманіе на все насъ окружающее. Какія необъятныя перемѣны насъ окружаютъ. (Шепчетъ на ухо). Сегодня въ Думѣ какой-то магометанишка Столыпина смазалъ. . . и ничего. (Громко). А вѣдь въ доброе старое время прямо въ заточеніе-бы. . . А наше ближайшее начальство безъ мундира принимаетъ. . . и ни какихъ гвоздей».

— «Все—все пошло танцевать вверхъ каблуками. Вотъ и мы, другъ Промокашинъ, по новому служимъ. . . Бывало —струна, когда управляющій въ канцеляріи, а теперь сидишь и. . . не замѣчаешь, хотя. . . страшно хочется вытянуться и во время поклониться».

— «Выучка, мой другъ, что и говоритъ».

— «Всеконечно выучка, всеконечно. Вотъ хотя-бы наша канцелярія къ слову. . . Никакъ безъ нея не обойдешься. Инструкція, форма, законъ—того требуютъ. . . А главное привычка. Помните, какъ Онѣгинъ: «Привычка свыше намъ дана». . . Вѣдь могу я вотъ сейчасъ съ тобой переговорить о потерянной бумагѣ, а по привычкѣ лучше напишу ОФФИЦІАЛЬНО. . . и совѣсть покойна и видишь, что дѣлаешь».

— «Всеконечно. . . и начальство видитъ твой трудъ».

Беретъ написанную оффиціалку и читаетъ:

«Въ дополненіе къ отношенію за № 00 отъ °/о февраля, имѣю честь увѣдомить, Васъ, Милостивый Государь, что бумага за № 000 отъ °/°/о февраля, посланная при отношеніи за № 0000 отъ °/°/°/о февраля ввиду неизвѣстныхъ канцеляріи причинъ не получена, а потому и имѣя ввиду неоспоримую важность сего документа N—скій столъ всепокорнѣйше проситъ навести точныя справки о семъ документѣ и результаты таковыхъ представить въ самомъ непродолжительномъ времени».

За завѣдывающаго столомъ росписался въ чинѣ губернскаго секретаря

Фома Промокашкинъ.

СКОБЛИТЬ, читатель, надо усиленно СКОБЛИТЬ.

Августъ-Брутъ.

Современный діогенъ.

— Куда пробираешься милый человѣкъ?

— Иду искать такого мѣста, гдѣ нѣтъ военнаго положенія и усиленной охраны.

* *
*

Не такъ живи какъ хочется,
А какъ велитъ правительство.

Съ фонариками искали!

Отходный рескриптъ

данный „Гномомъ 1-мъ“ члену государственнаго совѣта дѣйствительному тайному и недоброму совѣтнику, Боляринy и рабу сатаны Константину.

Рабъ сатаны Константинъ!

Слишкомъ четверть вѣка тому назадъ, при помощи нечистой силы, кіевскихъ вѣдьмъ, домовыхъ, лѣшихъ и иныхъ прочихъ излюбленныхъ пособниковъ русскаго прогресса, вы начали свою необыкновенную, аховую, сногсшибательную дѣятельность на поприщѣ доведенія Россіи до современнаго состоянія.

Имѣя въ разное время доблестныхъ и подходящихъ къ особѣ вашей сотрудниковъ (коимъ имя—отпѣтая камарилья и третье отдѣленіе), изъ среды которыхъ громче другихъ стали извѣстны фамиліи графовъ Делянова и Толстаго, адмирала Алексѣева, генераловъ Стесселя и Бобрикова и разныхъ дѣйствительныхъ статскихъ прохвостовъ, начиная съ Кривошеина, переходя черезъ Александровскаго и кончая Гуркой и, наконецъ, цѣлой фаланги величаемыхъ по именамъ и отчеству вашихъ благожелателей, вы въ свое время приступили къ уничтоженію русскаго государства, съ дерзостью достойной вашего государственнаго ума и профессорской эрудиціи.

Теперь при отходѣ въ вѣчность, вамъ суждено увидѣть результаты вашей полезной дѣятельности, а мнѣ за васъ порадоваться.

Вамъ удивительно везло въ жизни. Ни кто не могъ столкнуть васъ съ кроваваго пьедестала и не одно покушеніе на драгоцѣнную жизнь не омрачило моего сердца своимъ рэзультатомъ: волею Вельзевула вы съ миромъ и не отъ преступной руки переступили порогъ жизни и перешли въ ряды загробныхъ соратниковъ вашихъ....

Въ нынѣшній день, съ грустью разставаясь съ вами, я утвердилъ проектъ памятника вашему режиму для постановки его передъ Синодомъ въ началѣ XXI лихолѣтія, когда русскій народъ дѣйствительно будетъ свободенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ я разрѣшилъ изобразить на памятникѣ всѣ сатирическіе журналы и каррикатурные листки, для коихъ вы всегда были неувядаемой темой и драгоцѣннѣйшимъ „сюжетомъ“.

На мѣстѣ-же, гдѣ будетъ изображена дата вашего земнаго бытія, долженъ красоваться безсмертный стихъ поэта:

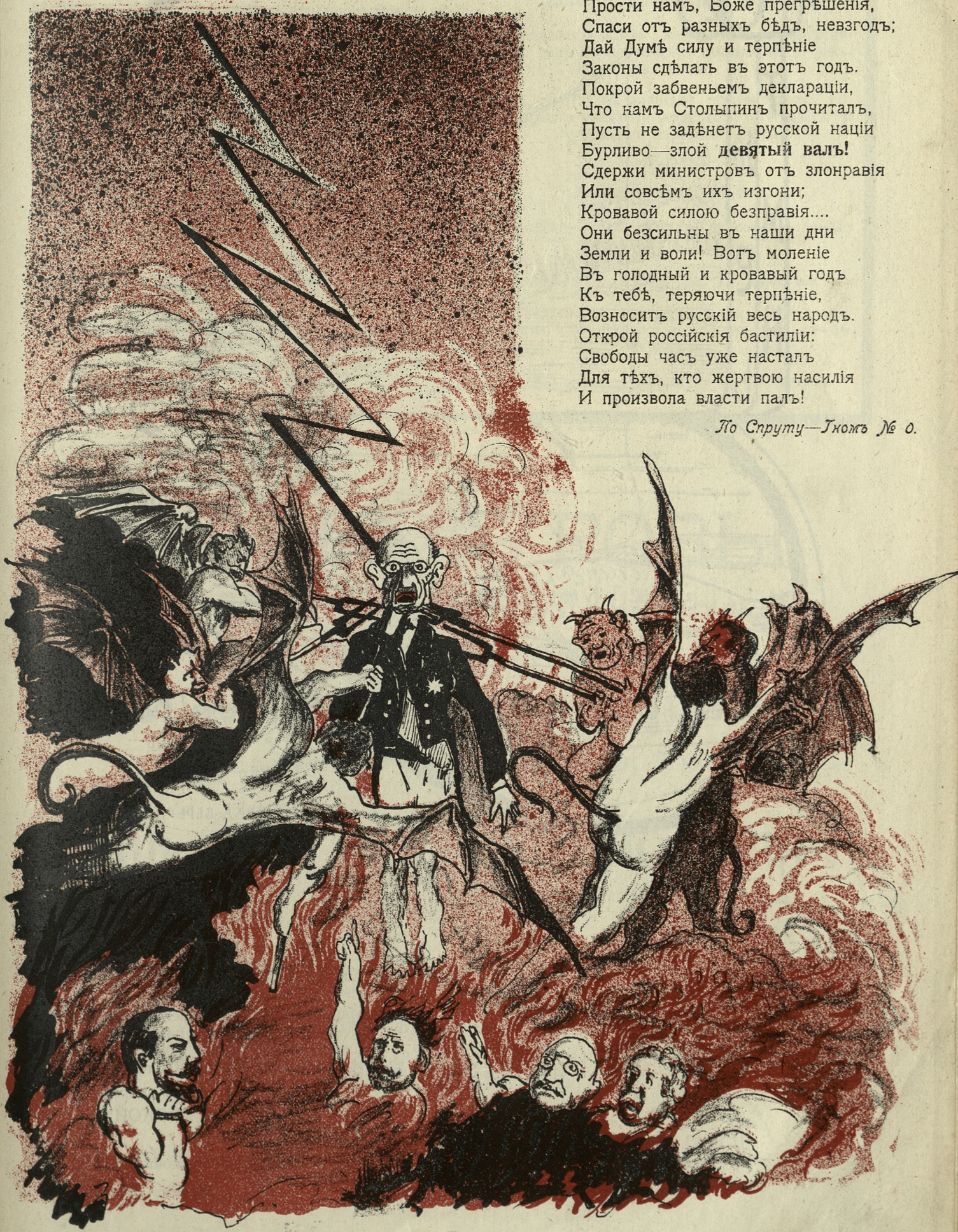
„Зачѣмъ свободы не дождался!“ и „Нынѣ отпущаема раба твоего“.

На подлинномъ, собственной **„Гнома 1-го“** рукою поставленъ Символическій жестокій іероглифъ.

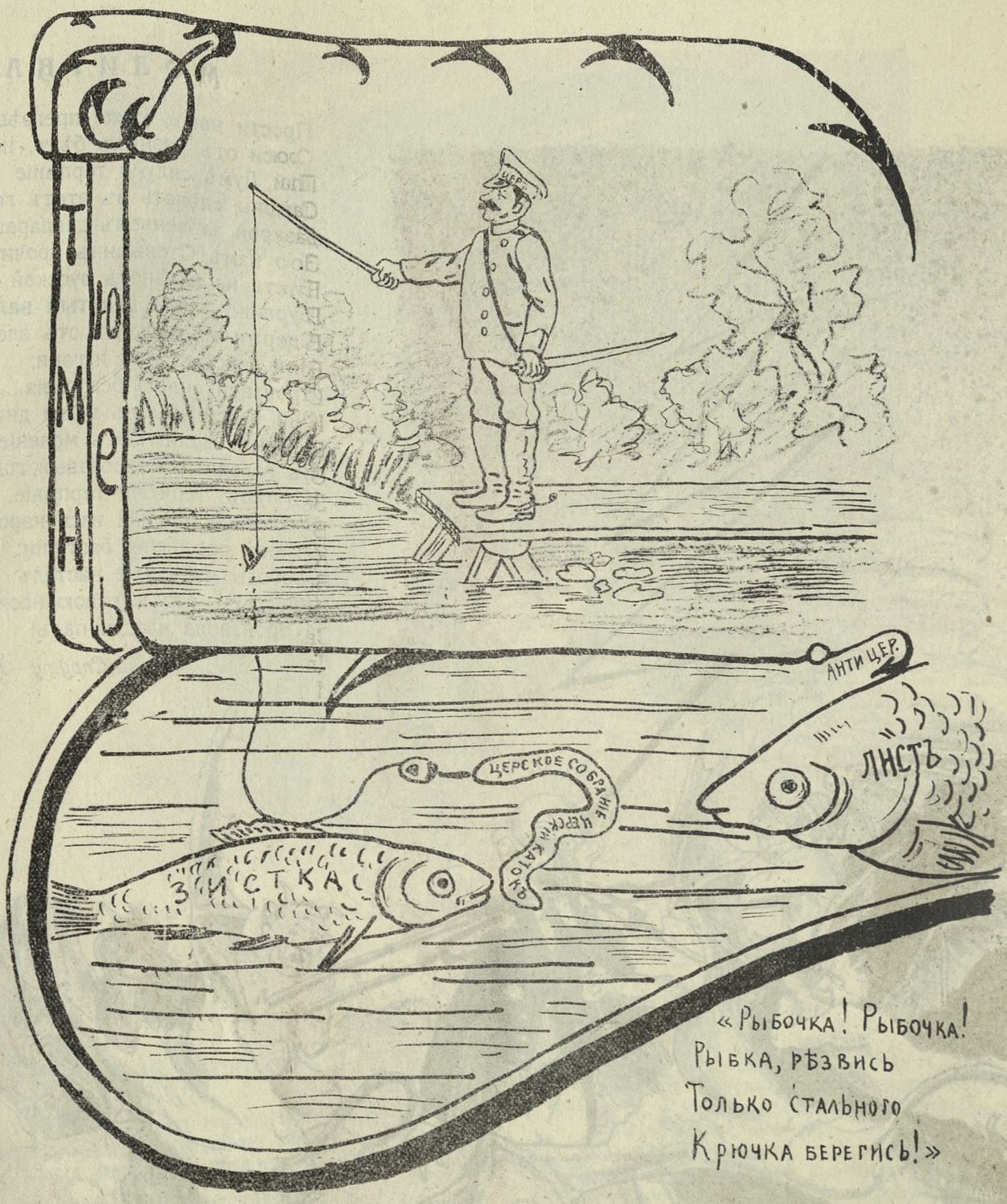
МОЛИТВА.

Прости намъ, Боже прегрѣшенія,
Спаси отъ разныхъ бѣдъ, невзгодъ;
Дай Думѣ силу и терпѣніе
Законы сдѣлать въ этотъ годъ.
Покрой забвеньемъ деклараціи,
Что намъ Столыпинъ прочиталъ,
Пусть не задѣнетъ русской націи
Бурливо—злой **девятый валъ!**
Сдержи министровъ отъ злонравія
Или совсѣмъ ихъ изгони;
Кровавой силою безправія....
Они безсильны въ наши дни
Земли и воли! Вотъ моленіе
Въ голодный и кровавый годъ
Къ тебѣ, теряючи терпѣніе,
Возноситъ русскій весь народъ.
Открой россійскія бастиліи:
Свободы часъ уже насталъ
Для тѣхъ, кто жертвою насилія
И произвола власти палъ!

По Спруту—Гномъ № 0.



Дождались!



«Рыбочка! Рыбочка!
Рыбка, рѣзвись
Только стального
Крючка берегись!»

МОЛИТВА,

Выработанная думской фракціей монархистовъ и истинно-русскихъ людей по плану М. Стаховича подъ непосредственнымъ руководствомъ и участіемъ Круше-Вана и Пуриш-Кеви-ча:

Всесильный Треповъ—всѣхъ смиритель,
Пошли ты въ Думушку „ПОКОЙ“
Утихомирь ее, властитель,
И Думѣ „ВѢЧНУЮ“ пропой.

Августъ-Брутъ.

ПОДПИСКА на 1907 г.

на ежедневную общественную литературную газету

„Вятскій Край“

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна:

На годъ 6 р.; на 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к.; на 3 мѣсяца 1 р. 75 к.; 1 мѣсяцъ—65 коп.

Контора газеты: Вятка, уголъ Николаевской и Пятницкой, д. Либерманъ.

Редакторъ-Издательница *А. Ж. Праздникова.*

Редакція сатиро-юмористическаго журнала

„Владивостокскій Бѣсъ“,

предлагаетъ всѣмъ журналамъ прогрессивнаго направленія обмѣнъ изданіями и объявленіями.

Для участія въ журналѣ приглашаются сотрудники, писатели сатирики, юмористы и художники каррикатуристы.

Вышло уже 5 №-овъ.

Подписка принимается только на первые **10 №№—1 р. 00 коп.**

Отдѣльный № 15 коп.

Еженедѣльникъ печатается на атласной бумагѣ въ нѣсколько красокъ отъ 12—16 страницъ.

Издатель *П. М. Чечинъ.*

БР. АГАФУРОВЫ.

ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНЫ

въ большомъ выборѣ:

мельхіоровыя и никелированныя вещи.

Г.г. Екатеринбургъ, Пермь и Тюмень.

Шведское бѣлье „КОМПОЗИЦІЯ“.

Въ лавкѣ торговаго дома

„Бр. Корольковы“

Цѣны на всѣ сорта мороженой рыбы значительно

ПОНИЖЕНЫ.

Шедринск. Города

У городского головы
нет своей головы, а
есть у него голова
которая и его голова
голова, и всем голов
голова, и всем голов
голова. И всех она
больше, и всех она
богаче!!!

Спрашивается:

Что это за голова,
зачем двух-голова
и зачем богатая
и где берет деньги

?

Зарѣшеніе
Премія „Гнома"

Вторая дума была-бы довольно приличной особой, если-бы не змѣиный хвостъ.

Неистовый князь.

(Вятская баллада).

Какъ нынѣ сбирается князь Горчаковъ
Отмстить ненавистнымъ кадетамъ.
И Суховъ, и Малыхъ, и самъ Ѣздаковъ
Давно хлопотали объ этомъ,
Не думая долго, даетъ онъ приказъ:
Чтобъ списокъ кадетамъ составить;
И къ Шкляеву посланъ былъ самъ Адеркасъ,
Чтобъ тотъ не подумалъ слукавить.
Окончивши списокъ, онъ къ князю несетъ,
И къ верху его приглашаютъ;
А тамъ ужъ начальникъ давно его ждетъ
И грозно его вопрошаетъ:
«Скажи мнѣ правитель, ты здѣсь сторожилъ,
Скажи мнѣ, подъ страхомъ отставки,
Кто здѣсь изъ кадетовъ мой гнѣвъ заслужилъ,
Чтобъ выслать ихъ тотчасъ изъ Вятки».
Тутъ Шкляевъ на князя свой взоръ устремилъ
И молвилъ, надѣвши пенснэ:
— Я семь губернаторовъ здѣсь пережилъ
И всѣ подчинялися мнѣ!
Возьмемъ Клингенберга: одинъ изъ ретивыхъ,
Съ закономъ нечасто считался;
Но всетаки земцевъ и самыхъ строптивыхъ
Онъ выслать никакъ не рѣшался.
Хоть выслать не долго; но можно отвѣтить
И можно испортить карьеру;
Вѣдь сверху намъ могутъ серьезно замѣтить:
Что строги мы очень и гнемъ черезъ мѣру.
«То былъ Клингенбергъ, вѣдь, а я небоюсь!
И мнѣ-ли дрожать за карьеру:
Недаромъ я князь и родней прихожусь—
Внучатный племянникъ премьеру».
— Прекрасно все это; но есть, вѣдь, печать,
Ему замѣчаетъ правитель,
— Какъ будутъ объ этомъ повсюду кричать:
Тогда и на мѣстѣ вы врядъ усидите-л!

Хоть смертнымъ грядущаго знать не дано;
Но если хоть волосъ съ кадета свалится;
То съ новою Думой вамъ, князь, суждено:
На вѣки съ карьерой проститься!—
«Твой лживый, правитель, чиновный языкъ!
Меня ты напрасно стращаешь;
Я слушать совѣты давно ужъ отвыкъ
И волю мою ты сейчасъ-же узнаешь»!
И съ мѣста вскочивши, глазами сверкнулъ,
И первымъ попавшимъ кадетамъ,
Онъ въ спискѣ фамилій перомъ подчеркнулъ:
Чтобъ завтра ихъ выслать съ разсвѣтомъ.

Вотъ новая Дума опять собралась,
Идетъ за вопросомъ вопросъ....
Вся прежняя клика совсѣмъ навелась,
И ходитъ Столыпинъ, закинувши носъ.
А нашъ воевода подвергся ужъ сраму,
И взоръ его мраченъ, и духъ неспокоенъ:
Онъ только сейчасъ получилъ телеграмму:
«По третьему пункту въ отставку уволенъ».
«Ты вѣрно, правитель, судьбу угадалъ,
Напрасно совѣтовъ твоихъ я чуждался»!
И быстро къ княгинѣ на верхъ убѣжалъ
И съ нею изъ Вятки убрался.—

ПИСЬМА КЪ БАБУШКѢ.

Письмо первое.

Тпру! Пріѣхали! Станція Самара,—цѣлуй, Варвара!..

Ахъ, милая бабушка, кабы вы знали въ какомъ я удовольствіи нахожусь! Ну ужъ и городъ! Шумъ, толкотня! Восхитительно до забвенія чувствъ! Вотъ здѣсь такъ жизнь 100,000 жителей, да милліонщиковъ сколько! Есть здѣсь такіе тузы, что у нихъ земли больше, чѣмъ у иного болгарскаго принца,—ей-ей, не вру! А ужъ магазины, лавки какія... Да еще подвезло мнѣ и то, что попалъ я въ самую выборную агитацію. Что тутъ дѣлалось,—уму помраченье!..

Вы меня, бабушка милая, часто накаливали за то, что я въ политическомъ направленіи страны учавствую и готовъ всякіе „прокламаціи разводить“. Что дѣлать? Селезенка не терпитъ! Самъ знаю, что опасно, а какъ поглядишь налѣво, поглядишь вправо, почитаешь газету,—духъ захватываетъ, словно у героя на войнѣ. Такъ бы, кажется, жизнью пожертвовалъ!..

Пріѣхалъ я съ дневнымъ поѣздомъ, да только къ вечеру, потому что ужъ здѣсь порядокъ такой: всѣ поѣзда опаздываютъ. И съ вокзала прямо къ Сосипатру на извозчикѣ. Засталъ дома. Сталъ разговаривать, спрашивать, а онъ словно оглохъ или обалдѣвши не слышитъ, а слышитъ, такъ не понимаетъ, потому что выборы въ головѣ... Вотъ, бабушка, ужъ на что кремень мужикъ, а и его проняло, даже пить меньше сталъ. Въ субботу дѣло было, а тогда-то, на Срѣтенье, онъ бюллетень въ урну носилъ. Стали ко всюночной звонить,—онъ ноль вниманія, больше того—презрѣнія. И въ церковь итти не собирается. Отчего?—спрашиваю.—А вотъ, говоритъ, сперва дождусь Ваньку послалъ справиться про подсчетъ голосовъ. Въ 3-мъ уч. наша взяла, русскіе люди вродѣ октябристовъ прошли“... А тутъ какъ разъ Ванька входитъ.—Ну, что?—„Въ 1 и во 2 кадеты“... Э—эхъ, мой Сосипатрушко по столу кулакомъ к—акъ дунетъ, ажно графинъ подпрыгнулъ! А мнѣ-то весело (я вѣдь, бабушка, въ прогрессистахъ состою) что говорю, черная сотня не нравится?—Подлецы, слышь, вы всѣ! Да сверху и хвать... А потомъ и пощелъ, и пошелъ насъ костерить!.. Ну, тутъ ужъ мы съ нимъ,—онъ съ огорченія, я съ радости—и налакались! До самой ночи пили! А на другой день въ газетѣ (есть тутъ такая черносотенная литература. „Голосъ Самары“ или „Голосъ собаки“ прозывается) пропечатали побѣду.—Наши два участка взяли!—т. е. истинные-то будто люди. Ну, тутъ ужъ обратно произошло: я съ огорченія, а онъ съ радости... А на повѣрку-то вышло, что все это напрасно и радовались они загодя: въ 4 уч. выборы опротестовали, потому—истинно-русская фальшь вышла. Денька черезъ два новые выборы по губерніи. Въ первый день, 6-го числа, всѣхъ казаками разогнали, потому что хотѣли двухъ лѣвыхъ въ Думу послать, а начальство ихъ исключить хотѣло. Опять у насъ съ Сосипатромъ выпивка была,—агитація значитъ... А какъ на другой-то день стали выбирать, такъ, обозлившись, 7 лѣвыхъ, 7 лѣвыхъ!, бабушка, да 5 кадетовъ выбрали. Тутъ-то былъ у меня восторгъ гражданскій по всей залѣ трепака пустилъ на манеръ кэкъ-уока (это такой собачій танецъ есть)! До сихъ поръ башка трещитъ...

Вы не думайте, бабушка, что я дѣлами не занимаюсь; дѣла своимъ чередомъ идутъ и даже очень чудесно. Сосипатръ и то говоритъ:—Хоть ты и кадетъ-крамольникъ, а ума у тебя отнять нельзя... А мнѣ съ его похвалой у всѣхъ торговцевъ двери открыты. Отъ этого я даже съ самимъ Авксентіемъ познакомился... Знаете-ли вы, что это за фруктикъ здѣсь и почёмъ онъ на базарѣ ходитъ? Вотъ онъ какой тутъ, бабушка 26 января голову выбирали, на выборахъ съ полсотни гласныхъ было и всѣ по его дудкѣ плясали, вродѣ вонъ какъ въ карикатурахъ рисуютъ... А ужъ и голову выбрали. Ужъ на что нашъ Сосипатръ мужикъ серьозный, а и тотъ, какъ узналъ, разсмѣялся.—Это, слышь не голова, а... Ну, да вѣдь всѣхъ словъ писать нельзя, потому что у насъ еще свободы слова нѣту... Впрочемъ, милая бабушка, пора, кажется, письмо и кончить. И такъ вонъ сколько для первоначалу написалъ. Будьте здоровеньки. Цѣлую васъ несчетно. Писать буду часто.

Вашъ внукъ и крестникъ **Расшибаевъ.**

НАСТАВЛЕНІЯ.

Помни, Дума, власть судебную
И опеку надъ собой—
Мысли выкинь непотребныя
Не стремись владѣть судьбой.

Былъ примѣръ: ужъ слишкомъ многое
Разъ хотѣла Дума знать—
И пришлось въ мѣста убогія
Кой-кого поразсовать.

За „несбыточнымъ мечтаніемъ“
Проводила день и ночь—
Да не съ нашимъ-ли старанiемъ
Духъ крамолы превозмочь!!

Кто превыше стать старается
Министерскаго поста—
Тотъ узнаетъ, какъ ссылаются
Въ отдаленныя мѣста!

Ты, вторая Дума, знаешь-ли
Кто тебѣ второй отецъ?
Наши мысли угадаешь-ли?
Не взволнуешь-ли сердецъ?

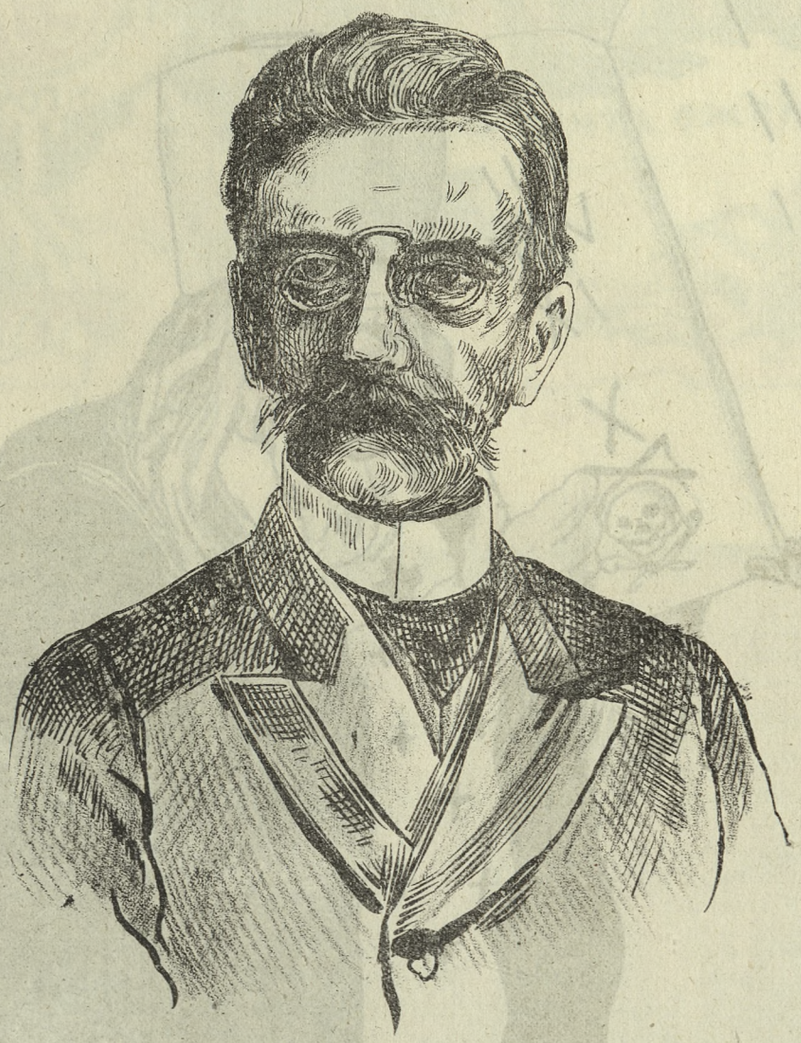
Если нашей деклараціей
Будешь Русь „освобождать“—
Вскорѣ можешь комбинацію
Изъ трехъ пальцевъ увидать.

Носъ не суй въ дѣла различныя
Былъ уже тебѣ урокъ!
Какъ полѣзешь и вторично я
Переправлю потолокъ.

Прежде былъ ремонтъ, онъ въ сложности
Стоилъ мнѣ мильонъ рублей—
Только не было возможности
Имъ замазать всѣхъ щелей.

А теперь довольно тратиться:
Починю подешевѣй—
И... авось теперь онъ скатится
На крамольниковъ вѣрнѣй!

Метафизикъ.



† Г. Б. Іоллосъ.

Секретарь газ. «Русскія Вѣдомости», убитый въ Москвѣ на улицѣ 14 Марта 1907 г.

МЕНЮ въ день разгона Г. Думы.

1. Щи николаевскія съ горошкомъ народнымъ. Къ нимъ пирожки изъ живой человѣчинки —въ видѣ россійскихъ застѣнковъ.

2. Битки а ля—КРУШЕВАНУСЪ, жареныя въ народной крови; приправленныя макаронами подъ маркой „Нагаечка"; салатъ мореный въ голодѣ и холодѣ.

3. Заливное—изъ крови и слезъ, пролитыхъ и проливающихся отъ самодурства всероссійскаго.

4. Сладкое—мечта объ учредительномъ собраніи и САМОДЕРЖАВІИ НАРОДА.

Столующіеся обязаны основными законами расплачиваться собственными спинами по полученіи сей благодати—всероссійскій кровавый погромъ тожъ.

С.П.Б. *А. Б.*

Посв. св. Г. С. Петрову.

За правдивое ученье,
За участіе въ народѣ,
Такъ частенько награждаютъ:
Посылаютъ въ заточенье
Или просто на „свободѣ"
Безъ „дальнѣйшихъ"—разстрѣляютъ...

Недавно по рельсамъ бѣжали
За поѣздомъ поѣздъ во слѣдъ;
Войска мы на смерть провожали
И знали—не будетъ побѣдъ.
Теперь мы опять провожаемъ
На муки героевъ свободѣ;
Но вѣримъ всѣмъ сердцемъ и знаемъ—
Ихъ скоро свобода вернетъ.

П. Эльгрико.

Съ ума спятилъ.

Ну, паря, я теперь совсѣмъ, какъ быдь-то, съ ума спятилъ. Скажи на милость—женилъ я нынѣ въ годъ трехъ парней. Какъ перваго-то женить, пришелъ къ попу. Попъ говоритъ, что восьмигривенну марку надо. Ладно, взялъ. Мѣсяца черезъ два задумалъ второго женить. Купилъ восьмигривенну марку. Попъ говоритъ, что надо шестигривенну. Чего подѣлать, сгонялъ въ волость, купилъ. Черезъ полгода старуха пристала—«давай женимъ Петруху.» Ну, женить, такъ женить. Взялъ ужъ двѣ марки—восьмигривенну и шестигривенну—думаю, котора—нибудь да утрафитъ. Попъ говоритъ марки негодящи: надо семигривенну съ петакомъ. Я такъ просто ошарашился Думаю, не попъ ли надо мной изъѣзжается. А онъ стоитъ на своемъ. Неча дѣлать, опять погналъ. Мнѣ теперь, паря, и во снѣ-то все марки кажутся, да такія большущія да страшнущія. Скоро вотъ Ваську надобы женить, да изъ-за марокъ боюсь, страсть какъ боюсь!

МОИСЕЙ XX-го ВѢКА И ЕГО ЗАПОВѢДИ.

I. Азъ есмь губернаторъ твой и да не будетъ у тебя другого начальства, кромѣ меня.
II. Не сдѣлай себѣ правительства ни въ городской думѣ, ни въ Государственной Думѣ, ниже въ иной крамольной Думѣ.
III. Не прописывай имени губернатора своего на заборахъ и на стѣнахъ въ мѣстахъ уединенія.
IV. Помни день погромный, дабы надлежаще провести его, не дѣлай демонстраціи, не ходи съ красными флагами, не читай ничего, кромѣ „Правительственнаго Вѣстника“, не кричи: долой правительство, семь дней работай, какъ скотина, а прибыли начальству твоему.
V. Чти начальство свое и распоряженія его, дабы не продлились дни твои въ кутузкѣ.
VI. Укради, но дай.
VII. Прелюбы сотвори, только не пиши прокламацій.
VIII. Бей крамольниковъ студентовъ и жидовъ.
IX. Лжесвидѣтельствуй, если спросятъ тебя о дѣлахъ начальства твоего.
X. Не пожелай вкладовъ своихъ въ Государственномъ Банкѣ, ни отчета, ни прибылей, ни правъ, ни свободы, ибо все сіе принадлежитъ правительству твоему.

Издатель-Редакторъ *В. С. Мутныхъ.*

Типо-литогр. Б. Вурмъ. г. Екатеринбургъ.